

© 1993 г. ЯКОВЛЕВА Е.С.

О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

"Пространство — та однородная, ни в одной из возможных точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость?"

М. Хайдеггер

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

0.1. Постановка задачи.

Выявление пространственных моделей проводилось на основе семантического и референциального анализа наречий, традиционно объединяемых в синонимические ряды: *далеко* — *вдали*, *вдалеке* и *близко* — *вблизи*, *по близости*, *рядом*, *неподалеку*, *недалеко*. Однако формирование семантических описаний этих слов было лишь промежуточной задачей. Главную же цель работы мы видели в том, чтобы, опираясь на найденные семантические характеристики, выявить скрытые от непосредственного наблюдения представления о пространстве в русской языковой картине мира, нашедшие отражение в этих словах. Конкретным воплощением этой цели стало описание некоторых моделей пространства, свойственных русскому языковому сознанию.

Важно учитывать, что рассматриваемые наречия образуют целостную систему противопоставлений, составляющих в совокупности законченный фрагмент пространственной картины мира, только в эгоцентрическом употреблении — когда 2-я валентность наречия явно или неявно заполняется говорящим (*Иван недалеко*; *Москва рядом*; *Вдали виднеются горы* — во всех этих высказываниях объект описывается относительно говорящего). Реально же в работе рассматривалось эгоцентрическое употребление с незаполненной 2-й валентностью, и, кроме того, материал ограничивался высказываниями, в которых наречия отвечают на вопрос "Где?". Высказывания же типа *Иду я далеко* исключались из анализа по той причине, что в них наречия на -о не сопоставимы с другими дистанционными показателями, не способными отвечать на вопрос "Куда?".

Наблюдение за употреблением слов с семантикой "далеко"/"близко" позволяет увидеть некоторые особенности отражения пространственных характеристик в русском языковом сознании, в частности, — языковую релевантность многих "донаучных" понятий (архетипических, мифологических представлений человека о пространстве).

Представляется целесообразным предварить конкретный лингвистический анализ слов с пространственной семантикой обсуждением некоторых общих вопросов, связанных с пониманием самого "пространства".

0.2. Пространство геометрическое vs. семиотическое.

В работе "Пространство и текст" В.Н. Топоров пишет о двух пониманиях пространства: по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае про-

пространство — "нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...". Во втором случае пространство — "нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей..." [1, с. 228].

Вопрос, взятый нами в качестве эпиграфа к данной работе, говорит о наличии "проблемы пространства". Постановленный М. Хайдеггером в такой форме, этот вопрос по существу является и ответом, вариантом решения, справедливость которого философ прослеживает на примере художественного пространства скульптуры: оно неоднородно, неравноценно, вторично по отношению к вещам, его заполняющим (см. [2]). Ср. в этой связи приведенные в [3, с. 198] строки о. Павла Флоренского о феномене художественного пространства "Божественной комедии": "И, наконец, самое пространство — не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а самосвоеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение".

На принципиальную разнородность художественного пространства и пространства геометрического (ньютоновского) указывает Ю.М. Лотман в работе о художественном пространстве в прозе Н.В. Гоголя, ср.: "Пространство не образуется простым рядомположением цифр и тел... понятие пространства не есть только геометрическое" [4, с. 274]. Поскольку, как пишет Ю.М. Лотман, "художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений" [4, с. 252—253], сама "пространственная терминология" наполняется особым содержанием: признак "далекости" может коррелировать с *внешним, иным* (в пределе *чужим и чуждым*), а признак "близости" — соотноситься с *внутренним, своим*.

Таким образом, можно считать, что искусство основывается на лейбницеvском понимании пространства (упорядоченного, структурированного). Если ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком, то у Лейбница пространство "одушевляется" человеческим присутствием, оно трактуется, "прочитывается" человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницеvское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, "наивной философии" мира. "Постулаты" этой философии лежат в основании картины мира.

Идея пространства в архаической модели мира, как отмечает В.Н. Топоров, сводится к его "собиранию", "обживанию", "освоению": "Некогда в начале творения пространство было про-стерто, раз-бросано, повсюду (уровень Творца в чистом виде). Но через мир вещей и через человека (последующий уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов" [1, с. 242].

Существенно то, что язык описывает уже это "обжитое" человеком пространство. В.Н. Топоров приводит многочисленные примеры "очеловечения" "вселенского пространства через его связь с членами тела": *подножье горы, горный хребет, устье реки* [1, с. 244].

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: "...для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета" [5, с. 31]. Одним из следствий антропоцентричности является субъективность многих языковых категорий (см. об этом [6—8]). В применении к нашей теме антропоцентричность обычно понимается как "присвоение субъектом простран-

ства" [9, с. 141], отсюда — вывод об относительности пространственных характеристик (там же).

Вообще говоря, пространство в языке и пространство в геометрии (физике) отличаются уже тем, что в первом есть принципиальная возможность охарактеризовать объект в терминах "далеко"/"близко". В пространстве же геометрическом такие (субъективные) характеристики исключены, там местоположение определяется в точных метрических терминах.

Пространственные модели, выявленные с помощью семантического анализа дистанционных показателей, свидетельствуют о том, что и языковому сознанию свойственна семиотизация пространства, восприятие пространства как текста. Наблюдение за употреблением пространственных наречий позволяет говорить о релевантности для русского языкового сознания таких понятий, как "оживление" пространства, его "собираение". Картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу (= "трехмерной пустоте"): пространство (по крайней мере, в этой его части) мыслится носителями русского языка как неоднородное; его нельзя считать непрерывным; пространство не является простымместилищем объектов, а, скорее, наоборот — конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Поскольку часто пространство ощущается, воспринимается именно через "эманацию" вещей, его заполняющих [по Платону, пространство — "материя чувственно являемого мира" (цит. по [10, с. 270])], для описания пространственных отношений релевантны такие признаки, как "положение наблюдателя", "характер и условия восприятия" (язык описания "пространства непосредственного восприятия" — первичного дейксиса — разработан Ю.Д. Апресяном (см., например [5]), и здесь мы используем его терминологию).

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

1. Фактор непосредственного восприятия, "наблюдения" при описании пространственных отношений.

"Наблюдение" передается наречиями *вдалеке, невдалеке, вблизи, вдали* в тех случаях, когда, как пишет Ю.Д. Апресян, у них "не реализована 2-я валентность" [5, с. 19], т.е. пространственным ориентиром, относительно которого указывается местоположение объекта, является "наблюдатель" (как правило, это сам говорящий)¹, например: *Вдали показался парус; Невдалеке виднеется церковь*. "Наблюдение" предполагает взгляд со стороны на предмет описания. Ю.Д. Апресян отметил естественное следствие такой семантики, а именно — невозможность употребления указанных наречий при самоописании (**Вдали показался я верхом на лошади; *Вдалеке стояли мы с Володей*). Слова с семантикой "наблюдения" противопоставлены не отмеченным этим признаком наречиям *далеко, недалеко, близко, рядом, неподалеку, поблизости*. Последние способны описывать и говорящего относительно какого-либо объекта, например: *Скоро придем, мы уже близко*.

Наличие непосредственного восприятия в семантике слов типа *невдалеке* предопределяет их связь реальным модальным планом высказывания —

¹ В настоящей работе мы сознательно опускаем вопрос о "носителе" точки зрения и понятие "говорящий" используем в предельно широком значении — не делая специальных оговорок для речевого и нарративного режима употребления языка. "Говорящий" в дальнейшем может обозначать и субъекта речи, и субъекта сознания, и наблюдателя (ср. использование этих дефиниций в работах Е.В. Падучевой [11, 12]). Для нас говорящий — это тот, кто осуществляет языковой выбор, использует анализируемое слово, т.е. является носителем языкового сознания.

они в принципе исключены в контексте ирреальных наклонений, гипотезы и под. Можно сказать: *Будьте поблизости/неподалеку* и плохо: **Будьте недалеко/вдали/вблизи*.

Семантика "наблюдения" влияет и на выбор предикатов для описания местоположения объектов: если у слов *неподалеку*, *поблизости* объект может быть *расположен*, он может *находиться*, *пролегать* (т.е. описываться в терминах неактуальных, по Т.В. Булыгиной [13], предикатов), то у наречий *недалеке*, *вдали*, *вдалеке* объект *виднеется*, *поблескивает*, *выситя*. Ср.: *Печальные ели // Темнеют вдали без движенья* (В. Соловьев) при сомнительности **Вдали растут ели / посажены ели*.

"Перцептивность" таких наречий, как *недалеке*, *вдали*, *вдалеке*, определяет их притяжение к изобразительному функциональному типу речи, по Г.А. Золотовой [14]. Поскольку повседневная речевая практика в основном оперирует информативным функциональным регистром, данные наречия в ней относительно редки. Ср. естественность использования *недалеке* в повествовании (письме, рассказе): *Как хорошо кругом! Недалеке шумит ручей...* и неуместность этого наречия в чисто информативном тексте: *Осторожно! Недалеке стоит милиционер* (нужно: *неподалеку*).

Таким образом, помимо употребления в высказываниях с реальной модальностью для слов с семантикой "наблюдения" характерно употребление в актуальных высказываниях с интенцией "изобразительность", а не "информативность".

2. Неоднородность пространства: абсолютная и относительная модели.

Наречия с семантикой "далеко"/"близко" задают две, совершенно различные, модели (интерпретации) пространственных отношений: *близко*, *недалеко*, *рядом*, *далеко* являются относительными оценками удаленности объекта от говорящего, а остальные слова (*неподалеку*, *поблизости*, *недалеке* и др.) выражают абсолютные оценки.

Поясним суть этого противопоставления на таком примере.

Во фразе *Смотри, вон вдали показался Иван* слово *вдали* указывает, что Иван находится на максимальном расстоянии от говорящего, при котором он все же доступен визуальному восприятию (можно сказать, что Иван, условно, где-то у линии горизонта). В подобной ситуации высказывание *Иван поблизости* было бы неуместно, а фраза *Смотри, Иван близко* не противоречила бы предметной ситуации в том случае, если бы расстояние до Ивана характеризовалось не само по себе, а в сравнении с гораздо большим расстоянием (скажем, Иван приближался бы к финишу марафонской дистанции).

Аналогично, высказывание *Магазин поблизости* всеми потенциальными адресатами будет понято более или менее одинаково — на расстоянии нескольких минут ходьбы; фраза же *Магазин близко* не задает расстояние до объекта столь однозначно: для девушки, любящей ходить по магазинам, расстояние в несколько кварталов — *близко*, а для старика — нет (для него *близко* — это в соседнем доме).

Абсолютные оценки действуют в пределах некоей условной "окрестности говорящего". Так, слова с семантикой "наблюдение" не только задают непосредственно воспринимаемый участок пространства "окрест" субъекта, но и распределяются по дистанционным поясам: то, что находится у линии горизонта, не может квалифицироваться как *вблизи/недалеке* лежащее, и наоборот. Ср.: *Город наполовину терялся вдали* (**вблизи/недалеке*), *скрытый покатосями местности* (Б. Пастернак). Дистанционная закрепленность слов с перцептивной семантикой отчетливо ощущается в контексте предиката *виднеется*: можно сказать *Недалеке виднеется церковь* и плохо **Вблизи виднеется церковь* (предикат предполагает взгляд

на предмет описания с расстояния, большего, чем задает показатель ближайшего дистанционного пояса).

Но среди показателей абсолютных оценок есть и свободные от условия непосредственного восприятия — наречия *поблизости*, *неподалеку*. Они подчеркивают функциональную доступность предмета описания. Не связанные семантикой "наблюдения", эти локализаторы обладают свободой передвижения по "окрестности", т.е. реально могут задавать разные дистанции (*Поблизости сидит/живет Иван*). Но и они абсолютны в том смысле, что не способны к описанию объектов за пределами "окрестности говорящего". Между тем относительные оценки никак не связаны с фактором конкретных расстояний. Объект может быть *близко* или *далеко* с точки зрения говорящего и в пределах одной комнаты и за пределами страны, материка и т.д. (*Луна близко*). Именно здесь сказывается, по выражению Ю.Д. Апресяна, "релятивизм наивной геометрии пространства", "зависимость нормы расстояния от параметров текущей ситуации": "важны не столько фактические физические пространства..., сколько способ их восприятия говорящим" [5, с. 16].

Из сказанного, в частности, следует, что относительные оценки более субъективны — они передают мнение конкретного говорящего о характере расстояния, их выбор связан с индивидуальной мерой дальности и потому не может быть оспорен с объективных позиций, т.е. всегда корректен.

В отличие от абсолютных, относительные оценки открыты "творческой деятельности": они допускают добавочные модификации (уточнение, градуирование), ср.: *очень далеко*, *так близко*, *сравнительно рядом*. При некорректности: **очень поблизости*, **так вдалеке*. Абсолютные показатели не градуируются и практически исключают добавочные модификации, ведь это уже готовые, "объективировавшиеся", оценки.

Мера дальности у относительных показателей часто зависит от сравнения описываемого расстояния с предшествующим². Например: *В прошлом году Игорь был далеко — в Австралии, а нынче он близко — в Польше*. Эта "динамичность" относительных оценок определяет возможность их употребления при описании изменения расстояния между говорящим и объектом описания (*Х уже/еще далеко*). Абсолютные же показатели, вследствие своей "статичности", не используются в тех случаях, когда описываемый объект является целью движения, пунктом назначения или лежит на пути движения. Ср. у А.С. Пушкина: *Жадрино должно быть недалеко*. Если бы Жадрино оставалось в стороне от дороги, показатель типа *неподалеку* был бы вполне уместен.

Семантические особенности абсолютных и относительных показателей определяют и их синтаксическое поведение.

Показатели относительных оценок тяготеют в высказывании к позиции ремы, часто они выступают в роли предикатов, что исключено для тех абсолютных оценок, которые отмечены признаком "непосредственное восприятие". Если мы сравним "динамичное" *недалеко* со "статичным" *невдалеке*, то увидим, что последнее (слово с семантикой "наблюдения"), как правило, занимает в высказывании позицию "кулис": *Невдалеке сидит Иван; недалеко*, напротив, находится в высказывании в фокусе внимания: *Иван сидит недалеко*. В тематической позиции "кулис" *недалеко* используется редко. "Статичные" *невдалеке*, *вблизи*, *вдали*, *вдалеке* тематичны, поскольку они являются простыми "фиксаторами" того места "окрестности",

² Ср. у А. Вежбицкой: "Близко вторично по отношению к ближе, наречие далеко вторично по отношению к дальше. Высказывание *От А до В близко (далеко)* должно быть представлено как *От А до В ближе (дальше), чем можно ожидать*" [15].

в котором разворачивается соответствующее действие. Например: *Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд, сильно уменьшенный расстоянием* (Б. Пастернак). Можно сказать, что выбор того или иного дистанционного показателя в этом случае навязывается говорящему самой предметной ситуацией, и вопрос об оценке расстояния находится на периферии внимания. Картина иная для относительных показателей: их выбор субъективен, он может быть связан с индивидуальными представлениями о мере дальности, может зависеть от сравнения описываемого расстояния с предшествующим (большим или меньшим). Поэтому именно здесь актуализируется вопрос об оценке расстояния: оно не просто констатируется (как у абсолютных показателей), но именно оценивается. Для оценки же характерна позиция ремы, предиката предложения.

Таким образом, наречия с семантикой "далеко"/"близко" способны к выражению разных точек зрения на конкретное физическое расстояние, к разным интерпретациям пространственных отношений: *далеко, близко, рядом* представляют расстояние между говорящим и предметом описания как относительное — обусловленное, главным образом, функциональными аспектами ситуации (из высказывания *Иван недалеко* нельзя сделать каких-либо выводов о реальной удаленности Ивана от говорящего); слова *вблизи, поблизости, недалеко, неподалеку, вдали, вдалеке* выражают, по существу, абсолютные оценки расстояния (высказывание *Иван неподалеку* со всей однозначностью указывает, Иван находится где-то в сравнительно малой окрестности говорящего).

"Окрестность говорящего" (абсолютная модель) предполагает известность, освоенность, так сказать, "исхоженность" описываемого участка пространства, некий образ пространства, связанный с поверхностью земли (ср. освоение, обживание пространства в архаической модели мира, по В.Н. Топорову). В самом деле, находясь в метро (не на поверхности земли!), мы не говорим о функционально близких станциях *Пушкинская неподалеку/поблизости*. В этой ситуации используются относительные показатели *недалеко, близко, рядом*.

Дихотомия пространственных оценок, получившая языковое воплощение в словах с семантикой "далеко"/"близко", вносит существенные коррективы в общепринятые представления о том, что "...членение пространства... должно быть сугубо относительным" [9, с. 141]; тот или иной способ описания может и навязываться говорящему картиной мира.

3. "Давление" на язык "среды обитания"³.

Принадлежность к "окрестности говорящего" связывает абсолютные показатели и таким условием: они применимы только при описании объектов, расположенных на горизонтальной плоскости (поверхности). Если же описываемый объект находится над или под говорящим (субъектом восприятия, "наблюдателем"), о нем нельзя сказать, что он *вдалеке/вдали*. Приведем примеры, в которых с необходимостью используются относительные оценки, поскольку объект описания находится за пределами горизонтальной плоскости: [*пастух спускается с гор*] *Как только он вышел на косогор, в лицо ему ударил шум воды. Далеко внизу всеми рукавами мутно блестела дельта Кодора* (Ф. Искандер); *В это время далеко наверху стукнула дверь. "Это он вошел", — с замиранием сердца подумал Поплавский* (М. Булгаков). Как видим, показатели относительных оценок не требуют обязательной горизонтальной ориентации объектов описания, поскольку они не ограничены "окрестностью говорящего".

³ Выражение Н.Д. Арутюновой — "потребность связать язык со средой его обитания" [16].

Рассмотренные факты позволяют предположить, что категория дистанции в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией пространства, т.е. в этой области языковой семантики находит отражение, так сказать, "плоскостное", "равнинное" мышление говорящих (язык отразил наиболее типичный ландшафт). Ведь картина, в принципе, может быть и другой — например, для языков горных народов. Так, в [17] отмечается, что в будухском языке "стратификация по вертикальной оси... накладывается на дистанционные значения": слово может одновременно характеризовать местоположение объекта по линии близости/дальности и по вертикальной ориентации, например, *аҕе* значит "тот далекий, ниже меня" (там же).

4. Пространство "прочитывается" по объектам, его заполняющим.

Анализ показал, что из всех рассматриваемых нами слов к описанию "пустого" пространства (т.е. пространства безобъектного, безсобытийного) способны только *рядом, поблизости, вблизи*: можно сказать *Рядом нет ни одного магазина; Поблизости/вблизи все тихо* и нельзя **Вдалеке все тихо; *Невдалеке никого нет; *Неподалеку нет ни одного магазина*⁴.

В столь различном поведении наречий можно видеть языковое отражение архаического понимания пространства, согласно которому пространство "не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими" [1, с. 234]. В самом деле, наречия *рядом, вблизи, поблизости* употребляются в тех случаях, когда пространство определяется через говорящего; говорящий — это тот объект, та "вещь", которая конституирует описываемое пространство. Остальные же наречия — *неподалеку, невдалеке, вдали* и под. — являются характеристиками пространства, внешне его по отношению к говорящему, пространства объектов ("вещного пространства", по В.Н. Топорову). Без объектов внешнее пространство как бы не существует — не поддается описанию.

По признаку «способность к описанию отсутствия, "пустоты"» с показателями "места говорящего" сходны такие координатные слова, как *сзади, впереди, слева, справа, сверху, снизу*. Ср.: *Впереди никого нет*. Интересно, что и они могут описывать только "близлежащее отсутствие", ср.: *Далеко впереди виднеются огни большого города* при невозможности **Далеко впереди никого нет / ничего не видно*.

Итак, мы находим еще один пример диктата вещей при описании пространства: "...вещи не только конституируют пространство через заданное его границы, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)" [1, с. 242].

5. Пространство физическое vs. умозрительное.

До сих пор при выявлении специфических черт языкового отражения пространства мы оперировали примерами, в которых языковой интерпретации подвергались расстояния до конкретных физических объектов. Если мы расширим сферу рассматриваемого материала (привлечем к анализу высказывания о нереферентных объектах либо об объектах с неизвестным местоположением и под.), то мы увидим, что и в этих случаях абсолютные и относительные дистанционные показатели обладают разными возможностями употребления.

"Окрестность говорящего" (абсолютная модель) — это конкретное физическое пространство (трехмерное, гомогенное, протяженное). Поэтому

⁴ Относительные показатели не участвуют в этом противопоставлении, поскольку их употребление в тематической позиции затруднено — одинаково плохо сказать: *Близко сидит Иван* и *Близко никого нет*.

абсолютные показатели всегда конкретно референтны, сфера их описания ограничена объектами с конкретной локализацией.

Относительные показатели не связаны этим условием: свобода от границ "окрестности" (= конкретного физического пространства) позволяет им описывать объекты, местоположение которых неизвестно, неопределенно или даже неопределимо. Например: [об арестованном] *Как вы думаете, Коля еще здесь, в городе, или уже далеко?* (Л. Чуковская). Локализация описываемого в данном случае объекта (арестованного) не может быть определена в конкретно-пространственных терминах типа "неподалеку" (Ср. преимущественное использование именно относительных показателей в вопросах.)

Неопределенность локализации может быть и принципиальной для описания объекта: не существенно, где он, важно — "близко" это или "далеко" (т.е. оценка расстояния в таких случаях является смысловым акцентом пространственного указателя). Например: *Но окно тюрьмы высоко // Дверь тяжелая с замком, // Черноокая далеко. // В пышном тереме своем* (М. Лермонтов). "Дальность" здесь не является собственно пространственной — это, скорее, некий символ разъединенности: далеко значит "не рядом", "не вместе". В подобных случаях выбор конкретного локализатора является косвенным указанием на отсутствие (*далеко*) или наличие (*близко*) объекта. При этом отсутствие символизирует как бы функциональное небытие (ведь если "бытие означает присутствие" [18], то указание на отсутствие может означать небытие объекта).

Наполняясь особым содержанием, дистанционные показатели формируют некое новое — "бытийное" — квазипространство, с иной системой отношений, иными характеристиками самого "пространства".

5.1. Бытийное квазипространство — это умозрительное (не непрерывное, не гомогенное) пространство с различной значимостью частей, пространство полюсов "далеко"/"близко". Между полюсами нет промежуточной зоны: описываемая в этих случаях область не обладает одной из фундаментальных характеристик пространства физического (трехмерного) — протяженностью. Квазипространство дистанционной оценки не разворачивается, не простирается, как физическое пространство. И *далеко*, *близко*, *рядом* в данной системе отношений — это уже готовые оценки, стереотипизировавшиеся как опосредованный способ описания наличия/отсутствия объекта.

Как кажется, нереперентное употребление относительных показателей (которому способствует их потенциальная свобода от "определенности", "известности") является частным случаем этой "квазипространственности", ср.: *Москва далеко, а начальник близко; Хорошо, когда рядом друг; Когда ты далеко, все кажется иным*. Пространство, понимаемое обобщенно, — это, в сущности, то же пространство бинарных оппозиций — не непрерывное, не равноценное.

Тезис о том, что полюса "далеко"/"близко" являются уже готовыми оценками, подтверждается невозможностью какой-либо их добавочной модификации, уточнения, как это бывает в случае "естественных", собственно пространственных, указаний, ср.: *Москва еще очень далеко; Хорошо, когда совсем рядом друг* (совсем проецирует высказывание на какую-то конкретную ситуацию, известную говорящему).

Тезис же о "заместительной" роли пространственных показателей особенно убедительно подтверждается употреблением слова *далеко*. Ср. такой диалог: [о выкинутом в мусорницу черновике] — *Где он?* — *Далеко*. В данном случае объект может находиться на расстоянии вытянутой руки, но он сброшен со счетов, деквалифицирован функционально и по-

этому перемещается в область семантического небытия: его нет, сообщает умозрительное *далеко*. Важно, что такой "заместитель" не допускает каких-либо собственно дистанционных, метрических уточнений: ответ типа *очень/совсем/слишком далеко* сориентировал бы адресата неправильно относительно всей ситуации в целом. Смысл функциональной дисквалификации при таком ответе был бы утерян, ср.: — *Где книга?* — *Очень/слишком далеко*. Наличие добавочного модификатора имплицитно подразумевает существование (функциональное бытие) книги: "Книга слишком далеко, чтобы я мог тебе ее принести" и под.

Приписывание объектам свойства "бытие"/"небытие" с помощью указания на их близость/дальность относительно говорящего по существу равносильно включению объектов в "личную сферу говорящего" (*близко, рядом*) либо, напротив, выключению их из "личной сферы" (*далеко*). Введенное в лингвистический обиход Ю.Д. Апресяном (см., например [5]), понятие личной сферы говорящего базируется на широкой (не чисто пространственной) трактовке значения "близко". Согласно Ю.Д. Апресяну, "в эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально — некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы..." [5, с. 28]. "Личная сфера говорящего" оказывается продуктивной при интерпретации весьма разнообразных языковых явлений (звательная форма, слова-названия эмоций, некоторые особенности СВ). Как кажется, использование *далеко* в качестве показателя небытия предмета является одним из средств "исключения объектов из личной сферы говорящего" [5, с. 29], ср.: [из "Кошмаров" И. Анненского] *Послушайте!... Я только вас пугал: // Тот далеко, он умер... Я солгал*. Или у Ф. Сологуба: [*Никто не убивал, // Он тихо умер сам, — // Он бледен был и мал, // Но рвался к небесам.*] *А небо далеко, // И даже — неба нет.*

Замечание. Умозрительное квазипространство как область действия нерелевантных (обобщенных) *далеко/близко* отличается от своего конкретно-референтного аналога — пространства, о котором шла речь в последних примерах. Обобщенные *далеко/близко* — равноценные полюса симметричного бытийного квазипространства, в котором *близко (рядом)*, — это "наличие" объекта, его функциональное "бытие", а *далеко* — это "отсутствие" объекта, равноценное его функциональному "небытию". Можно сказать и так: обобщенные *далеко/близко* описывают некое ирреальное, гипотетическое пространство⁵ — пространство, не обладающее протяженностью, но обладающее однородностью, равноценностью полюсов. Конкретно-референтный фактор вносит асимметрию в бытийное квазипространство: полюса *далеко/близко* здесь не равнозначны в плане реальности (= наличия конкретно-пространственных ассоциаций)/ирреальности (= отсутствия осязаемой связи с пространственной семантикой). Полюс *близко* реален в том смысле, что он находится в конкретно-пространственной зоне, а полюс *далеко* ирреален, так как символизируя семантическое небытие, он теряет связь с самой идеей пространственной локализации. Из сказанного следует, что к умозрительному бытийному квазипространству в этом случае относится только *далеко*; *близко* же прочитывается в терминах физического пространства, оно не несет заместительной функции и поэтому допускает любые дистанционные уточнения. Ср.: *Зачем самим решать, ведь Иван совсем близко (рядом): его и спросим и Сами мы решить ничего не можем, а Иван далеко* (в кабинете у начальника).

Бытийное квазипространство — это один случай выхода относительных показателей за пределы пространства физического. Рассмотрим другой случай.

5.2. Пространство инобытия. Умозрительные *далеко, близко, рядом* формируют не только пространство наличия/отсутствия каких-либо физи-

⁵ Мысль о принадлежности гипотезы и обобщения к одной понятийной сфере не нова. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, описывая в [19] различные средства номинализации, замечают, что "генерализованное понимание номинативной пропозиции влечет ее гипотетический статус.

ческих объектов; они (и только они) способны реализовать в пространстве (понимаемом широко — как некая область существования) объекта не физические: духовные, психические и под. сущности. Область этой реализации мы и называем пространством инобытия. Примеры: ...*И что ж? Глаза его читали, но мысли были далеко* (А. Пушкин); — *О чем вздохнули так глубоко, // Нельзя ль узнать? // — Я был далеко: // Я время то воспоминал, // Когда надеждами богатый, // Поэт беспечный, я писал // Из вдохновенья, не из платы* (А. Пушкин).

Далеко здесь — это в другой системе координат, некоем "ментальном пространстве". В последнем примере далеко сообщает о реальном, духовном, отсутствии объекта на фоне его видимого (физического) "наличия". Важно, однако, что, в отличие от рассмотренных выше примеров (*Москва далеко.*; *Черновик далеко* [в мусорнице]), пространственный показатель не выполняет в этих случаях "заместительной" функции; он, скорее, сигнализирует о "перемещении" объекта описания (его духовной ипостаси) в какую-то иную область, сопредельную видимой физической пространственности.

В пространстве инобытия далеко и близко — это соприсутствие, сосуществование, ср.: *А хмурое небо низко — // Покрыло и самый храм. // Я знаю: Ты здесь. Ты близко. // Тебя здесь нет, Ты — там* (А. Блок); *В час полночный, близ потока // Ты взгляни на небеса: // Совершаются далёко // В горнем мире чудеса* (А. Хомяков)⁶.

Если бытийное квазипространство является областью вторичного использования пространственных показателей — язык пространственных отношений применяется как средство описания несобственно пространственных смыслов, — то в пространстве инобытия дистанционные показатели используются по своему прямому назначению, не "заместительно": объекты инобытия сосуществуют с реальными физическими объектами в непересекающихся, взаимонепроницаемых пространственных зонах. Об этой взаимонепроницаемости и свидетельствует наш языковой выбор — невозможность применения к инобытию абсолютных оценок, сферой описания которых является пространство физическое, трехмерное, протяженное. Чтобы показать разницу между абсолютными и относительными оценками, приведем примеры, в которых рядом описывает "инобытийную" близость — сосуществование двух миров, посю- и потустороннего: *Я чувствую твоё присутствие рядом; Я чувствую, что ты рядом*. Поскольку речь идет о близости душ, смысл приведенных фраз не тождествен таким, например, высказываниям: *Я чувствую, что ты поблизости/неподалеку*. В последнем случае объект описания находится в одном пространственном измерении с говорящим.

В.С. Соловьев, говоря о метрическом, "реально-определенном и ограничивающем нас пространстве", делал акцент на "общих принудительных пределах действительного пространства" [10, с. 269]. "Субъективная свобода" от "оков пространства", согласно В.С. Соловьеву, возможна в пространстве сна, грез, которому чужды такие понятия, как разъединенность, непроницаемость, протяженность. В сущности, пространство "воображения" — это то же инобытийное пространство, сосуществующее с реальным, физи-

⁶ Б.А. Успенский предложил считать *далёко* маркированным оппозиционным партнером нейтрального *далеко* при описании квазипространственной или инобытийной "дальности". Т.е. для современного носителя языка пространственное *далёко* — это всегда либо "небытие", либо "инобытие". В пользу этого предположения свидетельствует неспособность пространственного *далёко* к каким-либо добавочным модификациям — **совсем/еще далёко* — или градуированию: **очень/так/сравнительно далёко*. Скорее, временной перенос оставляет возможность сочетаний типа *совсем/так далёко*; в применении же к пространству подобные сочетания кажутся некорректными.

ческим, ср. у А. Ахматовой: [Наше будущее] ...стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом (вряд ли бодлеровский Париж мог бы притаяться поблизости или неподалеку). В подтверждение того, что "иноебытие" рядом, но не поблизости, ср. такую пару высказываний: *Я вижу рядом героев Эллады* и *Я вижу поблизости героев Эллады*. В первом случае *рядом* может пониматься как граница между реальным и воображаемым миром, а во втором — поблизости со всей однозначностью указывает, что *герои Эллады* находятся в одном физическом измерении с говорящим — реальном пространстве говорящего.

Замечание. По способности к описанию "иноебытийности" различаются и такие действительные показатели, как *вот/вон, тут/здесь; тут/там*, ср.: *Вот он стоит у окна (вот может задавать референцию и к воображаемому пространству — грез, воспоминаний) и Вон он стоит у окна (вон однозначно свидетельствует, что речь идет о реальном, конкретном физическом пространстве); Я чувствую, что он здесь (здесь может описывать и иноебытийную близость, ср. блоковский пример: Я знаю: Ты здесь. Ты близко...) и Я чувствую, что он тут (тут подразумевает конкретно-пространственную локализацию объекта)*. В отличие от *тут* и *вон*, у *там* возможны "иноебытийные" референтные соотношения: о сидящем рядом собеседнике можно сказать *О чем он там* (ср.: **тут* думает?; *Что он там (*тут) замышляет?* *Там* в этих случаях задает референцию к ментальному, а не реальному физическому пространству. Указание на "дальность" этого пространства подчеркивает взаимную непроницаемость иноебытийного и физического пространств, "суверенность" чужого внутреннего мира. Слово же *тут* во фразе *О чем вы тут думаете?* будет однозначно задавать референцию к месту.

Нетрудно догадаться, что у слов *вон, тут* ограниченность физическим пространством определяется их перцептивностью (в исконном пространственном значении): *тут* — это всегда некий обозримый локус — ср.: *Он сейчас здесь (*тут), в России*, — а *вон* — это визуальное восприятие: шум мотора, напр., не может служить основанием для высказывания *Вон он едет*.

ИТОГИ

Проведенный анализ позволяет говорить о четырех видах (моделях) пространства, которые задают наречия с семантикой "далеко"/"близко" в эгоцентрическом употреблении, т.е. при описании положения объекта относительно говорящего.

I. Относительная, динамическая модель. Ее "носители": *далеко, близко, рядом, недалеко*. Примеры: *Европа рядом; Магазин недалеко*. Характеристики модели: 1) говорящий и описываемый объект — физические сущности; 2) оба находятся в одном, физическом, пространстве; 3) оценивается расстояние до объекта; оценка относительная, функциональная (= субъективная, градуируемая).

II. Абсолютная, статическая модель — "окрестность говорящего". Ее "носители": *вдали, вдалеке, невдалеке, неподалеку, поблизости, вблизи*. Примеры: *Школа неподалеку; Громада туч росла вдали...* Характеристики модели: 1) говорящий и описываемый объект — физические сущности; 2) оба находятся в одном, физическом, пространстве; 3) оценивается расстояние до объекта; оценка абсолютная, неградуируемая; имеет три значения (навязывается говорящему извне): *вблизи, поблизости* — ближайший дистанционный пояс; *невдалеке, неподалеку* — средний пояс; *вдали, вдалеке* — дальний пояс "окрестности".

III. Бытийное квазипространство. "Носители" модели: *далеко, близко, рядом*. Примеры: *Когда ты рядом, хочется жить; — Где Иван? — Далеко [в кабинете у начальника]*. Характеристики модели: 1) говорящий и объект описания — физические сущности; 2) объект находится в пространстве говорящего (*близко, рядом*) / за его пределами (*далеко*); принадлежность объекта пространству говорящего означает доступность к взаимодействию, функциональное бытие; внеположенность объекта равносильна

его небытию; 3) оценка бинарная; оценивается не столько расстояние, сколько ситуативное расположение объекта относительно говорящего с точки зрения его доступности к взаимодействию, т.е. по существу, с помощью *далеко/близко* указывается область локализации — "вне"/"внутри" бытийного пространства.

IV. Пространство инобытия. "Носители" модели: *далеко, близко, рядом*. Примеры: *Я знаю: Ты здесь, Ты близко...*; *Я чувствую, что ты опять далеко*. Характеристики модели: 1) объект описания — ментальная сущность; говорящий совмещает ментальную и физическую сущности; 2) ментальный объект существует и находится либо в области чувственного контакта с говорящим (*близко, рядом*), либо за ее пределами (*далеко*); 3) оценка бинарная; оценивается достижимость чувственного контакта (взаимодействия).

Перечисленные пространства являются разными интерпретациями расположения объекта описания относительно говорящего, и в этом смысле они сопоставимы друг с другом. Кажется естественным называть эти пространства языковыми моделями, присущими русскому языковому сознанию, а их совокупность — пространственным фрагментом русской языковой картины мира.

Известно, что "наивные физики пространства и времени, явленные в дейктических словах различных языков, обнаруживают некоторые универсальные черты и ряд особенностей, специфических для каждого естественного языка" [5, с. 7]. В нашем случае универсальными, бесспорно, являются относительные показатели *далеко, близко, рядом, недалеко* и формируемые на основе их употребления модели; к разряду же специфических (характеризующих именно русское языковое сознание), по-видимому, должны быть причислены абсолютные показатели-носители модели "окрестность говорящего". Проведенный анализ позволяет говорить, что характерной особенностью языкового отражения пространства является семантизация расстояния. Именно этот критерий лежит в основе выделения языковых моделей пространства.

Существование в русском языке, наряду с относительными, абсолютных оценок расстояния свидетельствует о релевантности (и даже фундаментальности) для описания пространства такого параметра, как человеческое измерение (в данном случае имеются в виду не реальные размеры человека, а его функциональные возможности⁷). Абсолютность показателей "окрестности говорящего" определяется не только семантикой "наблюдения" у некоторых из них, априори задающей дистанционную закрепленность соответствующего показателя и "разворачивающей" пространство по горизонтали от говорящего. И не обладающие семантикой непосредственного восприятия наречия *поблизости, неподалеку* указывают на обжитое пространство. "Окрестность говорящего" — это результат освоения собирания пространства. Именно в рамках этой модели абсолютное расстояние значимо, поскольку оно оценивается с точки зрения непосредственных возможностей человека. Функциональная близость в применении к "окрестности" подразумевает возможность человека достичь соответствующей точки в пространстве, не прибегая к услугам сверхмощных (= не стандартных) транспортных средств. "Стандартность" же подразумевает достижение цели путем передвижения по поверхности земли ("исхоженность" пространства). "Окрестность говорящего" можно

⁷ Ср.: "... мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела. Слоны, носороги и бегемоты — большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки — маленькие животные, потому что они меньше человека" [5, с. 31].

было бы назвать архаической моделью пространства, поскольку она отражает восприятие пространства древним человеком, а именно — это та часть пространства, которую он способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать.

Для относительной пространственной модели характерна незначимость абсолютного расстояния. Семантическую оценку расстояния в рамках этой модели можно охарактеризовать так: относительная трудность достижения данной точки пространства обусловлена ее удаленностью. Функциональность относительных показателей (иррелевантность фактора протяженности пространства, конкретных расстояний) снимает вопрос об "образе" пространства: для этой модели несущественно условие горизонтальной ориентации объектов по отношению к говорящему, "исхожденность" пространства. Свобода относительных показателей от фактора пространственной протяженности позволяет им участвовать в формировании пространства не физического — умозрительного, идеального: поляризуясь и оцениваясь, они конституируют квазипространство бытийности; освобождаясь же от "тяжести" физической конкретики, они описывают инобытийную близость/дальность.

Таким образом, наличие в русском языке наряду с полифункциональными относительными дистанционными оценками абсолютных позволяет выявить динамику пространственных представлений носителей языка. Языковое отражение "наивной философии пространства" носит явные черты архетипических представлений, что позволяет говорить об архетипической основе соответствующих языковых воплощений.

Выявленный нами пространственный фрагмент формируется на основе эгоцентрического употребления — дистанционной точкой отсчета описываемого пространства является говорящий. Снятие фактора эгоцентричности — а происходит это при заполнении 2-й валентности наречия объектом, отличным от говорящего (вследствие чего, как отмечает Ю.Д. Апресян, реализуется "недейктическая стратегия понимания высказывания" [5, с. 11]), — кардинально меняет картину системных отношений в пределах рассматриваемой группы. Прежде всего становится несущественным само понятие "окрестности говорящего" (с его человеческим масштабом, "образом" пространства и пр.): наречие получает возможность соотнесения с самыми различными ориентирами. Вследствие этого:

1) появляется возможность употребления абсолютных показателей в нереперентных высказываниях, например: *Обычно магазины строятся неподалеку от центра города* (ср.: *Магазины строятся неподалеку*, где речь идет о конкретных, известных говорящему магазинах);

2) поскольку в этом круге употребления у слов типа *невдалеке* реализуется "недейктическая стратегия", появляется возможность их использования при самоописаниях, например: *Я был невдалеке от дома, когда услышал выстрелы*;

3) теряет отчетливость и противопоставленность наречий по линии "динамичность"/"статичность", ср. корректность употребления *неподалеку от* в "динамической" ситуации, по отношению к цели движения: — *Что вы молчите? — нетерпеливо окликнул он Кириллова уже неподалеку от дома* (Ф. Достоевский);

4) то обстоятельство, что говорящий перестает быть наблюдателем, снимает необходимость наличия у него непосредственного восприятия в случае употребления таких слов, как *невдалеке*, *вдали*; как следствие для этих слов открывается возможность употребления в высказываниях, не соотнесенных с реальным модальным планом, ср.: *Хорошо бы оказаться сейчас где-нибудь невдалеке от экватора*;

5) отсутствие эгоцентрической ориентации снимает необходимость согласования пространственных показателей по признаку "ближнее"/"дальнее", ср. примеры, где пространственные показатели взаимно согласованы, с такими, в которых это согласование вовсе не обязательно: *Там вдали, по дремучим урочищам, // Этой ночью весенней белой // Соловьи сла-вословием грохочущим // Оглашают лесные пределы* (Б. Пастернак) и *Там, вблизи от больших городов, вам будет лучше; Здесь, вдали от Москвы, живет спокойнее;*

6) возможность соотнесения дистанционного показателя с самыми различными ориентирами фактически делает нерелевантным пространственный масштаб "окрестности говорящего": становятся возможны сочетания *невдалеке от материка/от страны* и пр.

С исчезновением "окрестности" в самой оппозиции абсолютность/относительность происходит переориентация, в частности, осуществляется некоторый обмен функциями между отдельными показателями абсолютных и относительных оценок: для описания близости/дальности с названиями объектов, не обладающих конкретно-пространственными характеристиками (в этом смысле абстрактными), легче употребляются такие показатели крайних точек "окрестности", как *вблизи/вдали*, и практически неупотребимы выразители относительных оценок *далеко/близко*. Ср.: *вдали/вблизи от цивилизации* при невозможности **далеко/близко от цивилизации*.

Именно заполнение 2-й валентности объектом, отличным от конкретно-физического, ведет к потере "образных" пространственных ассоциаций у таких слов, как *вдали*. Само понятие пространства в данном случае преобразуется, семантизируется, прочитывается не метрически — как некая протяженность, — а функционально — как разъединенность (ср. бытийное квазипространство). При этом непреодолимость барьера не связана всецело с фактором пространственной локализации (удаленности), она определяется, скорее, содержательным разрывом. Т.е., как и в случае бытийного квазипространства, указание на пространственную удаленность символизирует нечто другое — содержательную несовместимость, несоединимость: ведь пребывать *вдали взыскательных невежд* (А. Пушкин) можно, реально находясь в одном с ними "локусе".

Семантическая мотивация употребления предложно-наречных сочетаний *вдали от* и *далеко от* отчетливо видна в примерах, устроенных по одному и тому же синтаксическому образцу. Так, высказывания *Я живу вдали от Большого театра* и *Я живу далеко от Большого театра* не тождественны по смыслу: *вдали* высвечивает момент содержательной разъединенности, разобщенности между субъектом и Большим театром (его делами, интересами и под.), как следствие глагол *жить* прочитывается в плане "существования", а не "местоположения"; *далеко* же несет чисто пространственные характеристики, и *жить* в контексте этого наречия обозначает именно местоположение.

Не связанные условием эгоцентричности, пространственные показатели приобретают новые смысловые нюансы, вследствие чего вырисовываются и новые системные отношения между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
2. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.
3. Иванов Вяч.Вс. П.А. Флоренский и проблема языка // Механизмы культуры. М., 1990. С. 198.
4. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

5. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28.
6. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
7. Степанов Ю.С. Референция и дейксис // Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
8. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
10. Соловьев В.С. Пространство // Соловьев В.С. Собр. соч., Т. 10, СПб., 1914.
11. Падучева Е.В. К семантике дейктических элементов в повествовательном тексте // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
12. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
13. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
14. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
15. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972. P. 98.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 315.
17. Крылов С.А. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. I. М., 1984. С. 140.
18. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 144.
19. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3. С. 53.